

СВЯЩЕННИК ПАВЕЛ ФЛОРЕНСКИЙ

ЗАПИСКА К СТУДЕНТАМ
МОСК<ОВСКОЙ> ДУХ<ОВНОЙ>
АКАД<ЕМИИ> <ОБ
АКАДЕМИЧЕСКОМ СТРОЕ>¹

В своем постановлении от 20-го числа² студенты 4 курса выражают протест против действий Совета. Будучи членом Совета, я считаю должным ответить на это постановление, так как оно сделано, конечно, не для простого принятия к сведению. Но с своей стороны я полагал бы, что, прежде чем выражать протест, студенты должны были бы сами потрудиться узнать об убеждениях касательно академ[ического] управления каждого из членов Совета, ибо им прекрасно известно, что Совет ни внутренне, ни внешне не есть столь объединенное целое, чтобы говорить о нем, как таковом.

1. По моему убеждению, задача Академии — служить Прав[ославной] Церкви и родине, а не каким бы то ни было частным лицам или корпорации. Поэтому должным признаю я все то, что способствует этой основной задаче Академии и не должным все то, то ей противоречит. Органом единства академ[ического] управления является Совет.

2. Отсюда следует, что участие или неучастие в Совете тех или иных лиц определяется вовсе не нуждами частных лиц или корпораций, а исключительно — основной задачей, служить которой обязан Совет.

¹ Название дополнено из черновой записки: «Для мая-июня. Из заметок и пожеланий».

² Вероятно, 20 апреля 1917 года.

3. Следов[ательно], корпоративные профессорские нужды могут обсуждаться в корпорационных профес[сорских] собраниях, равно как студенческие — в студенческих, священнические — в священнических, служительские — в служительских и т. д., но отнюдь не в Совете. [В] Совет же они попадают лишь тогда и лишь постольку, поскольку они представляют значение для Академии как целого.

4. Следов[ательно], профессора имеют полное право в замкнутой профессор[ской] организации или в корпоративных собраниях обсуждать какие угодно корпоративные вопросы и выносить решения, обязательные, но лишь в пределах самой корпорации. Равным образом и студенты, и священники, и т. д. Но действия Совета, как имеющие в виду не корпорацию, а саму Академию, никак не могут приравняться постановлениям студенческих сходок или каких бы то ни было академич[еских] организаций. Посему я полагаю, что было бы нарушением основной задачи Академии не допускать на них студентов на том только основании, что студенты не допускают на свои сходки профессоров, ибо, повторяю, профессора могут собираться сколько угодно на свои сходки или корпорационные собрания, не допуская на них студентов. Совет же есть собрание, имеющее предметом своим дела Академии, а не профессоров.

5. На вопрос по существу: желательно ли присутствие студентов в заседаниях Совета, я с своей стороны ответил бы, что, во-первых, в видах оздоровления академич[еской] жизни заседания Совета д[олжны] подлежать самой широкой гласности, так что желательно присутствие свидетелей не только со стороны непременных членов академич[еской] семьи — студентов, но и со стороны почетных членов Академии, и, м[ожет] б[ыть], даже представителей Московской Церкви. Полагают, что это послужит и к объединению самих профессоров, заставит их спланиваться более тесно. Во-вторых, я думаю, что в организации академ[ической] жизни непременно д[олжен] б[ыть] проведен один принцип со всюю последовательностью. Лично мне представлялся бы совер-

шенным такой строй, в котором Академия возглавляется мудрым и почти святым ректором, всеми чтимым и обладающим полностью единоличной властью. Но этот строй практически неосуществим, да и не соответствует тем демократическ[им] началам, на которых строится ныне вся русская жизнь, в том числе и академическая. Я не вижу ни возможности, ни надобности отстаивать монархическое управление Академии. Тем самым я высказываюсь за последовательное проведение начала демократического, и с этой точки зрения я совершенно не вижу ни практической возможности, ни принципиальной справедливости отстранять студентов от управления академическими делами, хотя бы их участие и тормозило несколько скорость советских решений. Прежде всего, если представляется затруднительным провести грань между преподавательским персоналом Академии, то еще более затруднительно сделать это для разделения и. д. доцента от стипендиатов, стипендиатов от четвертокурсников и т. д. Передаю личное настроение: если и. д. доцента — наши младшие товарищи, то не могу же я смотреть иначе на студентов 4 курса и т. д. Для меня лично отношение к студентам не как к младшим товарищам психологически всегда представлялось невозможным; а людей, имеющих все гражданские права, могущих по возрасту своему быть отцами семейств, а по цензу своему руководителями школ и даже целых приходов, — таких людей рассматривать как недорослей мне всегда казалось не только неправильным в смысле воспитательном, но и просто противоестественным.

6. Теперь является вопрос, по каким именно делам студенты могут участвовать в действиях Совета? Я полагаю, что студенты сами извращают назначение Совета, когда говорят об участии своем в «студенческих» делах: студенческими делами студенты могут заниматься на своих сходках. Дела Совета — общеакадемические, и студенты не как члены студенческой корпорации, а как члены Академии могут или даже должны принимать участие в решении академических дел. Я говорю об этом вовсе не потому, что защищаю здесь какие-то особенные интересы студентов,

а исключительно с точки зрения академической; я не мог бы относиться с уважением к студентам, которые интересовались бы лишь своими студенческими делами и были бы равнодушны к жизни Академии как целого, раз только эта жизнь не касается непосредственно их интересов. Подобное корыстное отношение к Академии я бы назвал непростительным.

7. Поэтому не «студенческие», а академические дела Совета предполагают участие в решении их и студентов. Кажущееся исключение — лишь присуждение ученых степеней, которое хотя и происходит в Академии, но не есть дело академическое, тут профессора привлекаются к рассмотрению известной диссертации лишь как эксперты; доказательством тому может послужить присуждение степени профессорам хотя бы Моск[овской] Акад[емии] в иных академиях, так что, следовательно, дело о присуждении оказывается ничем существенно не связано с жизнью Академии. Все же остальные дела — суть общеакадемические.

8. В частности, таковым является и избрание ректора Академии, его помощника и т. д. Я бы добавил сюда и вопрос об избрании на профессорские кафедры, ибо при этом избрании имеются в виду или, по крайней мере, д[олжны] иметься вовсе не одни только ученые заслуги или ранги обсуждаемого лица, но и его дидактические и лекторские способности, и в особенности его духовный облик. Я полагаю, что все это для Академии, а след[овательно], и для студентов не только не безразлично, но и весьма важно; даже более того — для студентов это важнее, чем для профессоров.

9. Но мне бы хотелось от этих правовых вопросов, законность которых я признаю, сосредоточить внимание студентов на вопросах более широких, которым придаю значение гораздо большее.

Ценность высшей школы вообще, а Академии в особенности, я вижу не в технической пользе обучения, а в возможности установить особую духовную и культурную среду, которая бы настолько могуче действовала бы на находящихся в ней как профессоров, так и студентов, что их духовные и культурные силы, полу-

чая тысячи невидимых толчков, сами собою разворачивались бы, вырастали и приносили плоды. В этом смысле Академия д[олжна] быть и м[ожет] б[ыть] преодолением формальных правовых отношений этики повышенным духовным и культурным уровнем академической жизни. В этой атмосфере сами собою д[олжны] исчезать вопросы о власти, о правах и о взаимных давлениях. Академическая организация д[олжна] б[ыть] прежде всего своеобразной семьей. Она так малочисленна, что преодолеть в ней правовой строй было бы вовсе не особенно трудно. Лично я на опыте своей академич[еской] деятельности никогда не видел ущерба ни для науки, ни для нравственности от ослабления формальных требований. Как я всегда полагал, студенты настолько сознательны, что понимают свое пребывание в Академии и учение как свою собственную выгоду, и потому не считал никогда нужным особенно требовать того, что они д[олжны] делать по собственному расчету, а вовсе не для моего удовольствия. Повторяю, я не видел от этого никакого вреда. А если был небольшой процент мало занимающихся, то он все равно неизбежен при каких угодно суровых требованиях, да и по моим наблюдениям по меньшей мере не превосходил такового же у тех, кто требовали занятий. Поэтому я думаю, что и в побуждениях к работе следовало бы оказать максимальное доверие, с одной стороны, рассудительности и интересу учащихся, а с другой — тонирующему действию духовно-культурной академической атмосферы, которая нуждается в серьезных заботах. Я хочу сказать, что задачей Академии мне представляется не возня с каким-либо ленивым или небрежным студентом, который за свою небрежность рано или поздно в жизни получит должное, а именно забота об обогащении кислородом академической атмосферы, и задача эта лежит вовсе не на одних только профессорах, но и на студентах.

Священник Павел Флоренский. 1917.IV.23

Сергиев Посад

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Февральская революция 1917 г. внесла смуту во все области русской жизни, в том числе и не в последнюю очередь — в дело духовного образования. Не остались от этого в стороне, к сожалению, и студенты МДА. Уже 3 марта 1917 г. на общестуденческой сходке решено было отправить депутацию к обер-прокурору Святейшего Синода В. Н. Львову с изложением студенческих требований. 9 марта депутация студентов МДА вручила лично В. Н. Львову докладную записку со следующими требованиями: немедленно удалить ректора МДА епископа Феодора (Поздеевского), учредить полную автономию Академии, уничтожить Совет профессоров и заменить его Советом Академии, в состав которого наряду с профессорами и преподавателями вошли бы и представители студенчества с правом решающего голоса, избирать ректора из белого духовенства, отменить вступительные экзамены и допускать в Академию второразрядников, распределять стипендии в соответствии с материальными нуждами студентов, отменить балльную систему, отменить отметки за поведение, перевести Академию в Москву.

Эта записка послужила формальным поводом для проведения ревизии МДА, осуществленной 13—14 марта профессором Петроградской духовной академии А. В. Титлиновым. На основании этой ревизии (результат которой был несомненно заказным) и посещения МДА 9—10 апреля 1917 г. обер-прокурором Синода В. Н. Львовым ректор МДА епископ Феодор был уволен от должности 1 мая 1917 г. Его обвинили в различных «упущениях» в академическом хозяйстве и создании «полной разрухи» в академической жизни. 8 мая 1917 г. указом Святейшего Синода в МДА введены были временные правила, в значительной степени вобравшие в себя студенческие требования. Необходимо отметить, что хотя некоторые пункты временных правил были не лишены определенной разумности в условиях изменившегося общественно-политического строя, главной своей целью (как и сме-

шение епископа Феодора с ректорства) они ставили расцерковление МДА. Это было своеобразным «обновленчеством» до обновленчества. В разгоревшейся борьбе внутри МДА отец Павел Флоренский был целиком на стороне ректора епископа Феодора, в связи с чем и подал прошение об освобождении от должности редактора «Богословского вестника». Однако прежде всего его волновала не «внутрицерковная» борьба профессоров, а возможность самого существования МДА на церковных началах. Именно поэтому он счел необходимым обратиться к студентам МДА с особой «Запиской...», в которой изложил свое понимание духовного образования и воспитания. «Записка к студентам Моск<овской> Дух<овной> Акад<емии>» была составлена отцом Павлом в ответ на одно из протестных «постановлений» студентов 4-го курса — вероятно, 20 апреля 1917 г. «Записка...» написана почерком неизвестного лица, но в конце подписана и датирована самим священником Павлом Флоренским. Дополнительные слова в заголовке «<об академическом строе>» дополнены по черновому списку работ Флоренского: «Для мая-июня. Из заметок и пожеланий». «Записка...» хранится в Архиве священника Павла Флоренского (Музей священника Павла Флоренского в Москве). Публикуется впервые.

Игумен Андроник (Трубачев)